

Из истории русской эсхатологии XV века

Авдеев А. Г.

Ожидание кончины мира часто встречается в истории перед великими переворотами, изменяющими строй жизни народа или всего человечества, в переходные эпохи от одного периода к другому.

Ю.Ф. Самарин

Русская эсхатология XV в. — учение о конечных судьбах мира, со времен Н.М. Карамзина привлекавшее внимание исследователей, ныне, на смене двух веков и тысячелетий, особо популярна. Суть проблемы состоит в том, что седьмая тысяча лет от сотворения мира, истекавшая в 1492 г., вызвала ожидания скорого Страшного Суда, а политические катаклизмы и стихийные бедствия, казалось, подтверждали слова Спасителя, что перед кончиной мира "восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, и моры и землетрясения по местам" (Мф. 24: 7-8.).

К малоизвестным источникам по эсхатологическим взглядам той эпохи принадлежат два поучения преп. Паисия Галичского, сохранившиеся в его Житии. Время жизни этого подвижника (ум. 1460), почитаемого молитвенным предстоятелем за Галич (ныне — в Костромской области), охватывает самый драматический период истории Галичской земли — от последних десятилетий XIV в. до начала 60-х гг. XV в. Его Житие, составленное не ранее 1681/82 г., основано на недошедших до нас источниках XV в. — и в их числе записями свидетелей кончины подвижника, видимо, сохранявшимися в Синодике Галичского Паисиева Успенского монастыря — обители, предстоятелем которой был преподобный Паисий.

Рассмотрим первое из них: "О добрая моя и возлюбленная братия! Помните ли словеса моя, яже выну к вам глаголах, яко день Господень великий и просвещенный близ есть, и день жития моего преклонился еси к вечеру? Се ныне день той Господень постиже мя, и день жития моего вечернюю годину варяет. Ночь приближися, и свет очию моею хочет померкнути. Язык связуется, нозе престают от течения, и вси уди тела моего покой хотят прияти и на ложи смертном спати, дондеже // возсияет солнце, си есть дондеже приидет истинное солнце — Христос, Бог наш, Праведный Судия, судити живым и мертвым и воздати комуждо по делом его. И ныне молю вас, братия моя, да по отшествии моем пребудете zde, во обители Божия Матере, терпяще Бога ради, якоже обещаестеся. И ни един от вас да не отлучится дружины своя, но вси, вкупе единомысленно подвигом добрым подвизающесе, течение скончавайте, главы невидимых змиев потщитесе сокрушити, да, победители сих явившесе, сподобитесе неосужденно в горний Сион достигнути и поклонитися Христу, тридневно воскресшему. Тело же мое земли предайте, да возвратитися, от нея же взято бысть" (РГБ ОР. Ф. 299 (собр. Н.С. Тихонравова). № 57. Л. 61-62.).

Эсхатологичность поучения очевидна. Помимо упоминания о близости Страшного Суда, подвижник словно цитирует поучение своего старшего современника, митрополита Фотия: "грядет ночь, жития нашего предстание... будем делать дела света, пока еще житие наше стоит". Упоминание же в поучении преподобного Паисия "невидимых змиев" указывает на вторую половину XV в. В древнерусской книжности змий всегда являлся символом зла и сатаны, но в XV–XVI вв. он ассоциировался именно с антихристом, воцарение которого ожидалось в ближайшие годы. Очевидно, та же семантика образа присутствует и в поучении преп. Паисия.

Рассмотрим второе поучение подвижника. "Ведите убо, о братия моя возлюбленная, яко близ есть день Господень великий и просвещенный, и день жития нашего преклонился есть к вечеру, и сего ради дондеже не варит вечер // и не зайдет солнце и не затворятся двери Царствия Христова, потщитесь, о братия моя, постигнути вне. А до нележе в житии сем имате пребывати, выну в молитвах и трудех, во бдениих и пощениих себе упражняйте, между же себе любовь имейте, превозношение же и гордыню далече от себе отжените; вместо же того смирение Христово воспримите и всегда себе мертвы быти вменяйте морови и ничтоже от мирских помышляйте, но выну желание имейте, како угодити Богови. Смерть же пред очима своима сердечныма выну имейте, помышляюще день той скорбный, воньже душа от тела разлучитися имать. И како убежати князей оных воздушных, вси греси человеческие написаны в руках имущих? Како же // предстати и явитися пред лицом Неумытного Судии — страшен бо есть? И кто стерпит день входа Его? Тогда бо аггели в трубы вострубят и мертвые от гроб возбудят. Тогда земля потрясется и камене распадется. Тогда престолы поставятся, и Судия сядет, пред Ним же аггелом предстоящим, человеком вводимым, книгам разгибаемым, делом испытуемым, помыслом истязуемым. Кий тогда страх будет пожившим во гресех! Тогда Страшный и Неумытный Судия во услышание всем един глас возгласит, обаче двояко слышатися будет. По писанному: "Единою глагола Бог, двоя сих слышах". И глас той, от уст Страшного Судии исходящий, паче меча обоюдоостра имать разсекати // грешников от праведников. Праведным убо, стоящим одесную престола Господня, слышано будет сие: "Приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира". Сущим же ошую глас той будет слышан сие: "Отидете от Мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его". Сия вся егда услышат грешницы, ошуюю стоящие, что сотворити имут, не веде, или кое оправдание приносят восхотят. Воистинну, несть тогда им избавляющаго, ни помогающаго. Тогда убо река огненная клокочущи потечет, и вся грешники в себе пожрет. И сего ради дне грозного и страшного должно есть нам, братия моя возлюбленная, выну пещися, да избудем // шуяго, причастницы же будем деснаго стояния" (РГБ ОР. Ф. 299 (собр. Н.С. Тихонравова). № 57. Л. 58–60.).

Источником этого поучения стала вторая редакция Жития св. Василия Нового, которая, как показал С.Г. Вилинский, появилась на Ру-

си не раньше 1492 г. — ожидавшейся кончины мира. Видение Страшного Суда, открывшееся сподвижнику св. Василия Григорию, оказывается наиболее подробным только в этой редакции — и имеющим более зловещий окрас, нежели в первой редакции. Важно отметить самую существенную деталь. В третьей редакции Жития, созданной св. Димитрием Ростовским, современником составителя Жития преп. Паисия, этот же эпизод лишь кратко пересказан.

Содержание поучения традиционно. Это не удивительно, если даже современник преп. Паисия — глава Русской Церкви! — митрополит Фотий держался традиционных идей и образов, не внося в свои рассуждения о грядущем Суде своих мыслей. Все различие в том, что митрополит следовал авторитету св. Иоанна Златоуста, а преп. Паисий — Житию св. Василия Нового. Это естественно: древнерусский книжник был равнодушен к сложным богословским проблемам, считая себя неправым состязаться с авторитетом отцов церкви, а в поучениях шел от богослужебной практики к богословскому обобщению на языке образов, доступных и понятных пастве, мало разбирающейся в теологических тонкостях. Точно так же и преп. Паисий, предчувствуя скорый Страшный Суд, поучал братию, используя одно из популярнейших тогда произведений житийной литературы. Кроме этого, подвижник обратился к толкованию 12 стиха 61 псалма, данному бл. Феодоритом, епископом Кирским, который понимал этот стих как свидетельство о Страшном Суде. Его Толкование на Псалтирь было известно на Руси со времен Киевской Руси. Византийский богослов Ефимий Зигабен, скончавшийся в 1118 г., уже не видел в разбираемом стихе эсхатологической символики и считал, что в нем утверждается, будто "праведники увидят посрамление и низложение врага, после чего еще более будут бояться Бога, вспомоществующего боящимся Его". В Житии мы видим пример средневековой ментальности: как отметил Е.М. Верещагин, книжность этой эпохи отличало искусство "вчитать" в текст Псалтири "желаемую информацию, и... вычитать из текста намного больше, чем он сообщает, а также не то, что он объективно содержит".

Преп. Паисий не был единственным русским подвижником, поучавшим братию о скором Страшном Суде. В одной из рукописей Кирилло-Белозерского монастыря есть запись от 6967 (1458/59) г., приписываемая преп. Кириллу Белозерскому. Ее содержание близко поучениям галичского подвижника: "Блюдете убо известно и разумне, братье, кто хочет быти в то время: бегаа бежи невеж и неверия...".

Для подтверждения этого сравним рассматриваемое поучение с фрагментом слова 7 "О памяти смертней, и Страшнем Суде, како поучатися в сих, да стяжаем сия помыслы в сердцах наших" преп. Нила Сорского, написанного не ранее 1495 г. — времени, когда его автор ушел из Кирилло-Белозерского монастыря и не позднее 7 мая 1508 г. — времени его кончины:

"Глаголют отцы, яко в делании нашем зело потребно и полезно память смертную имети всячески и Суда Страшнаго... И тако приемлем во оуме второе пришествие Господне, и наше воскресение, и

Страшный Суд... Егда приидет Сын Человеческий во славе Своей, и вси святии Ангели с Ним: тогда сядет на престоле славы Своея. И соберутся пред ним вси языцы, и разлучит их друг от друга, якоже пастырь разлучает овцы от козлищ... Тогда речет Царь сущим одесную Его: приидите, благословении Отца Моего, наследуйте оуготованное вам царствие от сложения мира. Сущим же ошуюю его речет: идите от Мене, проклятии, во огонь вечный, оуготованный диаволу и аггелом его. И идут сии в муку вечную, праведницы же в живот вечный. И что, братие, горше и лютейше страшнаго и грознаго онаго ответа и видения, егда оузрим всех согрешивших и непокаявшихся, к вечным мукам отсылаемым праведным судом Божиим, трепещущих люте, и восклицающих бездельне, и плачущихся горце? Како же не восплачем и не возрыдаем, егда во оуме примем страшныя и лютыя оныя муки... Кий оубо страх, братие, будет нам тогда, егда поставятся престолы и книги разгнуты, и Бог на суде сядет со славою, и самим Ангелом престоющим в трепете? И что сотворим тогда, иже во мнозех гресех повиннии человецы, егда оуслышим зовуща Его благословенных Отца в царствие, грешных же отсылающа в муку и от избранных отлучающа? И что оубо отвечаем или речем тогда, егда вся наша дела предстанут нам в обличение, и вся наша тайная явлена будут... И кий срам тогда обимет ны?.. Того ради оубоимся и оужаснемся и примем во оуме сия: аще и не хотящу сердцу, принуждаем его помышляти сия, и глаголем к душе своей: оувы, мрачная душе! приближилотися есть время от тела исхода!.." (Предание о жительстве скитском преподобного Нила Сорского. Служба и акафист преподобному отцу нашему Нилу, Сорскому чудотворцу. М., 1997. С. 153-166.).

Несмотря на сюжетную близость обеих поучений, их отличает вопрос о времени прихода Страшного Суда. Для преп. Паисия оно — очень близкое, для преп. Нила Сорского — весьма отдаленное. Преп. Паисий призывает умножить монашеское делание в преддверии прихода Спасителя, преп. Нил — постоянно иметь в себе память о нем. Вопрос о сроках Страшного Суда для него, пережившего 1492 г., уже не актуален! Это заметно и на композиции поучений. Преп. Паисий ставит вопрос о том, как избежать вечных мук в день Страшного Суда в начале предсмертного слова, преп. Нил — завершает им поучение. Его источниками являются книги Нового Завета и сочинения отцов церкви; житием св. Василия Нового он не пользуется — время активного увлечения им прошло.

Больше композиционных и идейных совпадений разбираемого эпизода с Житием преп. Авраамия Смоленского, созданным в первой половине XIII в., — эпоху, когда разрушение Константинополя крестоносцами и татаро-монгольское нашествие усилили эсхатологические ожидания. Это сопоставление поучения тем более важно, что житие преп. Авраамия имелось в Паисиевом монастыре в составе Минеи 1583 г. и могло оказать определенное влияние на составителя Жития галичского подвижника. Но в нем описанию Страшного Суда, источником которого также служило Житие Василия Нового, уделено меньше внимания, нежели в Житии преп. Паисия, что свидетельствует о раз-

ном значении, которое имела тема Страшного Суда в первой половине XIII и во второй половине XV в. Для первой эпохи это было началом исполнения пророчеств, для второй — исполнением времен.

Подчеркнем, что эсхатологические настроения отмечены в Службе преп. Паисию, где в одной из стихир возглашается: "Киими пророческими песньми похвалим преподобного Паисия... в последнем роде возсиявшего" (РГБ. ОР. Ф. 299 (собр. Н.С. Тихонравова). № 57. Л. 3.). "Последние лета", "последний век", "последний род" — вот тема, которая постоянно присутствовала в памятниках книжности послекуликовской эпохи.

Но Житие преп. Паисия — памятник конца XVII в. — времени, когда эсхатологические ожидания были сильны у старообрядцев, связавших реформы патриарха Никона с наступлением царства антихриста. Несмотря на то, что преп. Паисий получил общерусскую канонизацию после реформ патриарха Никона, его Житие и Служба переписывались сторонниками "древлего благочестия" Галичского уезда. Более того, в 60-е гг. XVII в. тема Страшного Суда стала формой скрытого противостояния реформе церкви у иноков Паисиева монастыря. В это время Григорий Семионов сын Зубринов, подвизавшийся в этой обители, выполнил не менее четырех лицевых списков популярного среди старообрядцев Толкового Апокалипсиса с характерными для старообрядческой же среды миниатюрами. Естественно предположить, что и Житие преп. Паисия в какой-то мере могло отразить ту же тенденцию. Но рукописи Григория Зубринова имели иной источник — Толкование на Апокалипсис св. Андрея, архиепископа Кесарийского. В отличие от Жития св. Василия Нового, оно не устрашало картинами грядущего "дня гнева Господня", но предлагало учиться "терпению в напастях, любви к деланию добра и некоторым другим видам добродетели".

Галичан — современников Зубринова — проблемы эсхатологии волновали мало. А.М. Панченко отметил, что накануне Петровских реформ на Руси "перестали думать о сроках светопреставления". Страшный суд, как подчеркивал св. Димитрий Ростовский, предречен Спасителем, но "о дни же том и часе никтоже весть". Даже столь религиозно экзальтированный галичанин, как юродивый Стефан Нечаев (ум. в 1667 г.), касаясь того же места из Евангелия от Матфея, что процитировано в поучении преп. Паисия, не делает и намек на близость Страшного Суда, воспринимая евангельские слова как данность: "Виждь и се, колико славими суть от Бога страдавши имени Его ради. Коль ответ страшен презревшим заповеди Его: "Отидите от Мене, прокляти, во огонь вечный, яко не послушаште Мене и не соблюдосте заповедей Моих, такожде и Аз не услышу гласа Вашего, но поидите мучитися в муки вечныя, каждо по делом своим". И мы, братие, устрашимся грозного сего ответа, но прибежем к Богу покаянием, чистою совестью". Точно так же и для составителя Жития предсмертные поучения преп. Паисия были лишь примером благочестия. Его замечание о том, что иноки недоумевали, почему подвижник ча-

сто заговаривает с ними о Страшном Суде, — реакция человека конца XVII в. на мало понятные ему события двухвековой давности..

Утрату эсхатологического смысла поучений преп. Паисия к XVII в. можно связать и с переменами в русском богослужении, связанными со сменой Студийского устава Иерусалимским. Последний, по заключению К.К. Фельми, переносил акцент на воспоминание истории спасения, тогда как первый концентрировал внимание на предвкушении Будущего Века. Соответственно, эсхатологическое содержание литургии было вытеснено историческим. Изменилась и конструкция иконостасов: если центральный его чин — Деисусный — до XVII в. был превалирующим даже по размерам, то в XVIII-XIX вв. он уравнился с остальными чинами. На мой взгляд, это точнее связать с изжитием заблуждения относительно сроков светопредставления и утверждением общежительных монастырей, благодаря которым прижился Иерусалимский устав.

Таким образом, в поучениях преп. Паисия мы видим характерный штрих умонастроений второй половины XV в. После его кончины в его обители, видимо, находились экзальтированные личности, пророчествовавшие о грядущих бедствиях. Возможно, в этом ключе нужно понимать поведение галичанина из Паисиева монастыря, что пришел в 1488 г. в Москву и в сенях великокняжеского дворца "возопил" о скором пожаре в столице, что, хотя и значительно позже, но сбылось.

2012г.

Источник: <https://www.portal-slovo.ru/history/35316.php>

© Все права защищены <http://www.portal-slovo.ru>